

Богородичны «на проводе Мирском» из Супрасльского Ирмологиона 1598–1601 гг.: к вопросу об атрибуции напева

Шпаковская Л. С.

Учреждение образования «Белорусская государственная академия музыки», Минск

Статья посвящена уточнению атрибуции напева и богослужебного предназначения цикла богородичных из белорусского Супрасльского Ирмологиона 1598–1601 гг. В результате компаративного и музыкально-стилистического анализа автор приходит к заключению о том, что богородичны «на проводе Мирском» относятся к песнопениям будничных чинов Вечерни и Утрени. Оригинальное определение «на проводе Мирском» автор объясняет как «в переводе» или «в редакции», созданной певчим из города Мир и принесенной позже в Супрасль. Мелодической основой напевов богородичных является канонический киево-литовский ро-спев, подчиненный системе осмогласия и имеющий формульное строение. Проведенное исследование подтверждает положение о господстве единой канонической монодийной традиции Великого княжества Литовского представленной в православных и униатских Ирмологионах конца XVI–XVIII в.

Ключевые слова: литургическая монодия, богородичен, Супрасльский Ирмологион, атрибуция напева, мирский напев, киево-литовский напев.

(Искусство и культура. – 2017. – № 1 (25). – С. 37–41)

Bogorodichny «na Provode Mirskom» from the 1598–1601 Suprasl Irmologion: the Issue of the Chant Attribution

Shpakovskaya L. S.

Educational Establishment «Belarusian State Academy of Music», Minsk

The article focuses on the clarification of the chant attribution and liturgical designation of the Bogorodichny cycle from the Belarus Suprasl Irmologion (1598–1601). As a result of a comparative and musical style analysis the author comes to the conclusion that Bogorodichny «na Provode Mirskom» belong to the chants of everyday Vespers and Matin services. The original definition of the “na Provode Mirskom” the author interprets as «in translation by», or «in the version of» a singer from the city of Mir, which was later brought to Suprasl. The canonical Kievan-Lithuanian chant, which is subservient to the octoechos system and has a formulaic structure, serves as the melodic foundation of these «bogorodichny» chants. The study confirms the ruling position of the unified canonical monodic tradition of the Grand Duchy of Lithuania, presented in the orthodox and uniate late XVI–XVIII century Irmologions.

Key words: liturgical monody, bogorodichen, Suprasl Irmologion, chant attribution, chant of Mir, Kievan-Lithuanian chant.

(Art and Culture. – 2017. – № 1 (25). – P. 37–41)

Нотолинейные Ирмологионы, создаваемые в православных и униатских храмах и монастырях Великого княжества Литовского на протяжении конца XVI–XVIII вв., в настоящее время являются уникальными источниками для изучения древней церковно-певческой и книжной культуры белорусов. Особый интерес для исследования представляют напевы, имеющие ремарки-топонимы, адресующие к известным городам или монастырям белорусско-украинского региона. Изучение таких редких образцов, на наш взгляд, способствует воссозданию целостной и исторически достоверной панорамы монодийного церковно-певческого

искусства Великого княжества Литовского конца XVI–XVIII вв.

Целью статьи является уточнение атрибуции напева богородичных «на проводе Мирском» из Супрасльского Ирмологиона 1598–1601 гг. [1, л. 296–298] в контексте церковно-певческой традиции Великого княжества Литовского конца XVI–XVIII вв., что проводится нами на основе компаративного и стилистического анализа.

О канонической природе монодийной православной и униатской церковно-певческой традиции Великого княжества Литовского конца XVI – начала XVIII в. Компаративный анализ текстового

и мелодического материала из нотолинейных Ирмологионов, созданных в разное время в разных регионах Великого княжества Литовского, свидетельствует об устойчивости и единообразии песнопений, звучавших в православных и униатских храмах от Вильнюса до Львова и Киева, от Супрасля до Смоленска. Незначительные отличия в образцах из разных рукописей обычно связаны с особенностями подтекстовки, реже – с варьированием мелодической линии (напевы XVII в. обычно представляют собой более мелодизированные варианты образцов конца XVI в.). По всей видимости, общность церковно-певческой традиции региона Великого княжества Литовского была обусловлена ее возникновением и функционированием в едином церковном округе – Киевской митрополии.

Устойчивость канонической певческой традиции, сформировавшейся к концу XVI в. (возможно, и ранее), не была поколеблена при переходе в XVII в. большинства монастырей и приходских храмов Великого княжества Литовского в униатскую (греко-католическую) конфессию. Как отмечает Ю. Ясиновский, введение Унии «не повлияло на музыкальную и литургическую практику, в частности, в смысле разрыва с древней традицией, а сторонники унии подчеркивали тесную связь с византийским литургическим обрядом и сопротивлялись каждой попытке сближения с западными литургическими формами» [2, с. 12]. В подавляющем большинстве случаев репертуар православных и униатских Ирмологионов оказывается идентичным, случаи записи песнопений латинского происхождения единичны (например, песнопение «День гнева» в Супрасльских Ирмологионах 1638–1639 гг. и 1662 г.). Интересно отметить, что даже при введении текстов сугубо католического происхождения, в церковной практике униатов сохранялись древние канонические напевы Киевской митрополии (например, в Супрасльском Ирмологионе 1638–1639 гг. стихиры католического праздника «Божьего Тела» распеты на обиходный для православной традиции подобен восьмого гласа «О дивное чудо» [3, с. 449].

Основой мелодического материала Ирмологионов является традиционный канонический распев, обычно не имеющий каких-либо ремарок в рукописях, видимо, вследствие своей общеизвестности. В современной научной литературе этот «безымянный» распев определяется как «знаменный распев в юго-западной редакции» (И. Вознесенский), «киевский распев» (термин Е. Шевчук), «киево-литовский распев» (Гай де Пикардо), «литовско-русский извод знаменного распева» (И. Герасимова), «белорусский знаменный распев» (Л. Костюковец). На наш взгляд, для устойчивой системы мелодий, составляющих основу песнопений белорусских и украинских Ирмологионов с конца XVI по XVIII в., наиболее

удачным представляется определение киево-литовский распев, то есть канонический распев Киевской митрополии, территориально распространенный на землях древней Литвы (Великого княжества Литовского).

Важно отметить, что образцы киево-литовского распева нередко оказываются практически идентичными песнопениям древнерусского знаменного распева из невменных (крюковых) певческих книгах российского происхождения XVII в. и последующих веков. Представляется вероятным, что оба распева – киево-литовский и древнерусский знаменный являются ветвями одного архетипа (устойчивого инварианта), распространенного в православной певческой традиции как Великого княжества Литовского, так и Московского государства задолго до конца XVI в., когда песнопения обоих распевов были зафиксированы во своей полноте жанрового состава и с устойчивым мелодическим компонентом.

Распевы и напевы Супрасльского Ирмологиона 1598–1601 гг. в контексте много-распевной системы. Отличительной чертой белорусско-украинской церковно-певческой традиции конца XVI и последующих веков является *много-распевность*, то есть наличие нескольких мелодических вариантов для одного богослужебного текста. Если киево-литовский распев составляет мелодическую основу для всего спектра певческих жанров, представленных в Ирмологионах, то другие распевы и напевы встречаются в рукописях эпизодически и большей частью относятся только к неизменяемым песнопениям Всенощного бдения и Литургии (Обиход), значительно реже особые мелодии используются для стихир и ирмосов Минеи и Триоди. Переписчики белорусских и украинских Ирмологионов отмечают необычные мелодические варианты песнопений ремаркой «*напел*», поясняя ее прилагательным, указывающим на греко-балканское (болгарский, греческий, сербский), либо местное происхождение или ареал бытования мелодии (острожский, супрасльский, мирский, виленский и др.). В соответствии с терминологией современного литургического музыкознания некоторые «напелы» Ирмологионов могут быть отнесены к «распевам», другие – к «напевам».

Согласно определению И. Гарднера, *распев* – это «система мелодий, имеющих свои особые эстетические музыкальные законы определенного происхождения, со своим, им свойственным, методом согласования музыкального элемента с текстом различного слогового состава» [4, с. 110]. *Напевом* в рамках распева И. Гарднер называет: а) группу мелодий, предназначенных для пения по ним той или иной определенной гимнографической группы песнопений (например, напев стихир в рамках знаменного распева); б) мелодии известного происхождения, местные, областные

варианты (например: московский напев, напев Валаамского монастыря и т. д.) [4, с. 112].

По классификации И. Гарднера *киево-литовский* (или киевский в терминологии исследователя) распев белорусских и украинских Ирмологионов относится к полному распеву, имеющему напевы для всех гимнографических групп песнопений; *болгарский* и *греческий* «напелы» – к неполным распевам, в которых нет напевов для всех групп и типов песнопений [4, с. 112].

«Напелы» Ирмологионов с *ремарками-топонимами*, адресующими к известным городам или монастырям *Великого княжества Литовского*, по всей вероятности, следует относить к группе именно напевов вследствие их малой распространенности в рукописных источниках и принадлежности данных мелодий исключительно к неизменяемым песнопениям Обихода безотносительно системы осмогласия.

В ряду других Ирмологионов конца XVI–XVIII вв. Супрасльский Ирмологион 1598–1601 г. отличается разнообразием ремарок переписчика. Наряду с традиционными указаниями на болгарский и греческий «напелы» (распевы), в рукописи встречаются крайне редкие ремарки: «мултанский» (молдавский), «царигородский», «мирский напел», «напел монастыря Супрасльского». В супрасльской рукописи сохраняется традиционное распределение распевов и напевов по жанрам: основной корпус осмогласных песнопений записан «безымянно» (то есть относится к киево-литовскому распеву), «напелы» (напевы) песнопений Всенощного бдения и Литургии имеют наименования «знаменный», «мултанский» и «напел монастыря Супрасльского». Предварительный компаративный анализ осмогласных подобинов «супрасльского напела» выявил их практически полную идентичность образцам киево-литовского распева, что, на наш взгляд, не позволяет возвести супрасльский напев в ранг оригинального распева, подчиненного системе осмогласия.

Греческий распев в Супрасльском Ирмологионе представлен только группой обиходных неосмогласных песнопений (причастен, несколько вариантов Херувимской песни), болгарский – единственным образцом гласового песнопения Миней (стихира на Рождество Христово «Слава в вышних Богу» шестого гласа).

Согласно обширному каталогу Ю. Ясиновского [5], где содержится описание более 1000 белорусских и украинских Ирмологионов, ремарки, адресующие к белорусскому топониму Мир, встречаются только в Супрасльском Ирмологионе 1598–1601 г. Первая ремарка – «мирский напел» – относится к одному из мелодических вариантов песнопения «О Тобе радуется обрадованная вся тварь» [1, л. 278–278 об.], вторая – «на проводе Мирском» – к циклу богородичных восьми гласов

[1, л. 296–298]. Учитывая принадлежность первой ремарки к негласовому песнопению Обихода (традиционно для местных «напелов») и второй к осмогласным песнопениям, можно предположить о том, что в Мире мог существовать свой оригинальный распев (впервые эта идея была высказана Л. Костюковец). Учитывая целостную тенденцию общности канонической певческой традиции Великого княжества Литовского конца XVI – XVIII вв., данное положение требует дальнейшей аргументации посредством тщательного текстологического и компаративного исследования.

Ремарка «на проводе Мирском»: указание на богослужебную функцию или на особенность напева? Вначале обратимся к рассмотрению уникальной ремарки переписчика – «на проводе Мирскомъ». Ударение, поставленное переписчиком на первом слове прилагательного «мирском», предостерегает от возможного прочтения как «мирскомъ», что в церковно-славянской лексике могло бы указывать на светское, земное, принципиально не духовное начало. Учитывая наличие в рукописи второго образца напева, охарактеризованного переписчиком как «мирский», представляется вероятным, что и ремарка «на проводе Мирском» адресует именно к известному административному и культурному центру Великого княжества Литовского второй половины XVI в. Наличие в Мире каменного католического костела (освящен в 1605 г.) и каменной православной церкви (построена в 1533–1550 гг.) косвенно свидетельствуют о существовании в Мире определенной певческой традиции, необходимой для совершения богослужений в указанных храмах. Исходя из факта относительной географической близости Мира и Супрасля (расстояние по прямой составляет 250 км), вполне уместно предположить, что певчие из Мира могли принести свою певческую традицию в Супрасль – известный центр православной культуры рубежа XVI–XVII вв.

Особый интерес представляет собой необычная и даже уникальная для Ирмологионов ремарка «на проводе», сопровождающая богородичны. Наиболее близким по написанию и звучанию к данной ремарке оказывается церковно-славянское слово «прóводы» («похороны», «похоронная процессия»). Исходя из этого можно было бы предположить, что стихиры «на проводе» могли относиться к чину какого-либо *заупокойного богослужения*. Данное предположение опровергается наличием в других рукописях (в частности в Витебском Ирмологионе 1652 г. [6, л. 311 об.]) собственно заупокойных стихир с иными текстами, нежели в Супрасльском Ирмологионе.

Сравнение текстов богородичных «на проводе Мирском» с аналогичными песнопениями из других рукописей белорусско-украинского и русского происхождения позволило нам сделать

Ил. 1. Богородичен первого гласа «Грешных молитвы приемлющи» (фрагмент) из Ирмологионов конца XVI – начала XVIII в.

Ил. 2. Богородичен шестого гласа «Богородице, Ты еси лоза истинная» (фрагмент) из нотопетельного Супрасльского Ирмологиона 1598–1601 гг. [4, л. 297 об.] и крюкового Октоиха XVII в. [10, л. 72 об.] в транскрипции Л. Шпаковской

некоторые предположения относительно богослужебного функционирования данных песнопений. Стихиры с аналогичными текстами были обнаружены нами в российских невменных Октоихах XVII в. и более поздних, где каждая стихира записана в разделе соответствующего гласа и относится к седмичным песнопениям чинов Вечерни и Утрени [7]. В Супрасльском и других нотопетельных Ирмологионах такие богородичны записываются отдельным циклом в гласовой последовательности (от первого до восьмого гласа) и обычно находятся в конце или в середине Обиходного раздела рукописи (например, в супрасльской рукописи богородичны помещены после раздела «Пение демественное» и перед песнопениями Минеи Постной). Данное расположение циклов в Ирмологионах выделяет их из ряда песнопений Октоиха. Кроме этого, в белорусских и украинских рукописях представлена только часть богородичнов, известных в российской певческой практике XVII в. и последующих веков. Данное обстоятельство требует дальнейшего историко-богословского исследования. Из расположения песнопений в Ирмологионах можно лишь предположить о том, что данные богородичны не имели никакого отношения к заупокойному богослужению и «прóводам», а пелись в определенные моменты чинов Вечерни и Утрени в будние дни.

Исключая связь ремарки «на провóде» с «прóводами» («похоронами»), можно предположить о том, что данное определение оказывается синонимом слова «перевод», «извод». Учитывая другую, более однозначную ремарку супрасльской рукописи – «переведено в нотованое» [4, л. 429], можно представить, что и «на проводе» могло означать «в переводе», то есть в местной мирской

редакции. Дальнейшее компаративное исследование богородичнов восьми гласов убеждает нас в понимании «провода» именно как «перевода» или «извода» известного мелодического архетипа.

Компаративный анализ тексто-мелодического содержания богородичнов. Впервые в научный обиход богородичны «на проводе Мирском» из Супрасльского Ирмологиона 1598–1601 гг. были введены Л. Костюковец в 1996 г. [8]. На основе музыкально-поэтического стилистического анализа данных образцов Л. Костюковец приходит к заключениям о том, что в локальном мирском распеве наблюдается постепенный отход от гласовости и переход на новый уровень гомофонно-гармонического мышления [8, с. 85]. На наш взгляд, данные положения нуждаются в более детальном аргументировании путем компаративного исследования.

Сравнение циклов богородичнов из Супрасльского (1598–1601 гг.), Жировицкого (1649 г.) [9, лл. 42–42 об.] и Львовского (1709 г.) [10, л. 15–16] Ирмологионов показало устойчивость их текстового состава. Отличительной чертой супрасльского цикла является наличие двух богородичнов шестого гласа, в других рукописях каждый глас представлен одним песнопением. Кроме этого, в супрасльской рукописи для седьмого гласа записан богородичен с текстом «Пространное селение», в то время как в более поздних рукописях это песнопение заменено другим – «Умири молитвами, Богородице». *Отличия* в текстах рассмотренных циклов связаны с постепенным реформированием (редактированием) богослужебных текстов в середине XVII в., обусловленным с переходом от раздельноречия к истинноречию. Напомним, что для раздельноречия характерно пропевание букв ь и ъ, а также добавление гласных. Так, например,

в супрасльской рукописи распев слова «нас» подтекстован как «насо», «всем» как «весемо», «Творца» как «Твореца» (см. богородичен четвертого гласа). Вероятно, в певческой практике такие «вставные» буквы исполнялись как полугласные, что мы видим в современной певческой практике старообрядцев и в фольклорных образцах.

Компаративный анализ напевов богородичнов из белорусских и украинских Ирмологионов (ил. 1), а также из крюковых Октоихов российского происхождения (ил. 2) выявил *устойчивость мелодического состава* данных образцов. Мелодии песнопений выдержаны в типичной стилистике киево-литовского и древнерусского знаменного распевов: в них преобладает поступенное мелодическое движение по звукам обиходного звукоряда, выровненный ритмический рисунок, а также формульное строение. Сравнение нотных и невменных (крюковых) образцов позволило определить границы *мелодических формул (попевок)*, составляющих супрасльские богородичны. В рукописях обоих типов (нотных и невменных) обнаружилось практически полное совпадение формульного состава: сходные мелодические формулы сопровождают сходные фрагменты текста. Внутри мелодических формул наблюдаются небольшие отличия, связанные с особенностями подтекстовки и мелодическим варьированием. Отхода от гласовости, на который указала Л. Костюковец [8, с. 85], в богородичнах «на проводе Мирском» нами не выявлено. Сходство текст-мелодической организации рассмотренных нами песнопений из различных рукописных источников свидетельствует о включенности данных напевов в систему осмогласия, каноничную для монодийной певческой традиции Великого княжества Литовского и Московской Руси. Подтверждением данного положения мы считаем также отсутствие каких-либо уточняющих ремарок при аналогичных богородичнах в других многочисленных Ирмологионах.

Заключение. Таким образом, компаративный анализ циклов богородичнов из Супрасльского Ирмологиона 1598–1601 гг. и из других нотолитнейных и невменных певческих рукописей выявил *большую степень канонической устойчивости*

как текстовой, так и мелодической составляющей данных песнопений. Представляется вероятным, что эти напевы относятся к общепринятой певческой традиции Великого княжества Литовского, то есть являются образцами *киево-литовского распева*, что подчеркивается также генетическим родством данных напевов с образцами *древнерусского знаменного распева* московской традиции. В связи с этим, ремарку «на проводе Мирском» мы трактуем как указание на местную, мирскую редакцию («перевод», «извод») мелодического архетипа, распространенного и устойчивого в разных регионах Великого княжества Литовского как минимум с XVI по XVIII вв., а не как обозначение «оригинального локального распева». Отсылка к топониму Мир в супрасльской рукописи, вероятно, могла быть связано с тем, что напевы были записаны («переведены в нотованое») в Супрасле от певчих из Мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского, Институт рукописи (НБУ ИР). – Ф. 1, № 3367.
2. Ясиновский, Ю. П. Львівський ірмологіон: давній літургійний музичний рукопис п'ятилінійної нотації кінця XVI століття / ред. і вступ. ст. Ю. П. Ясиновської, транскр. і комент. К. Луцка. – Wien : Baustenie zur Slavischen Philologie, 2008. – 509 с.
3. Такала-Рощенко, М. Церковная монодия в униатской традиции XVIII века: стихиры на «Хвалитех» праздника Св. Евхаристии (Corpus Christi) / М. Такала-Рощенко. – Брно: Мартин-Чернин – Мария Пишлэгер, 2012. – Т. 6: Теория и история монодии. – С. 429–463.
4. Гарднер, И. А. Богослужбное пение русской православной церкви, / И. А. Гарднер. – Сергиев Посад, 1998. – Т. 1: Сущность. Система. История. – 592 с.
5. Ясиновский, Ю. Українські та білоруські нотолінійні ірмологі XVI–XVIII століть: Каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження / ред. Я. Ісаєвич, О. Цалай-Якименко. – Львів: Видво отців Василян «Місіонер», 1996. – 623 с.
6. Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских (БАН Литвы). – F 19 – 117.
7. Библиотека Московской духовной академии и семинарии (МДАиС). – Шифры: Ц. О. – 52, № 231875.
8. Костюковец, Л. Ф. Метод стилового анализа применительно к белорусской гимнографии на примере богородичных мирского распева / Л. Ф. Костюковец // Славянская этномузыкалогия: Направления. Методы. Концепции: тез. докл. междунар. науч. конф., 23–26 окт., 1996 г. / БГАМ. – Минск, 1996. – С. 83–85.
9. Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского, Институт рукописи (НБУ ИР). – Ф. 1, № 5391.
10. Ирмологион сиречь Песнослов. – Львов: Братство львовского храма Успения Пресвятыя Богоматере, 1709. – 247 л.

Поступила в редакцию 04.11.2016 г.